

Мэн Шикэ:

— Ваше Величество, простите! Простолюдин никогда не осмелится небрежно судить о государыне.

Бай Цинъян:

— Ваше Величество, должно быть, что-то неправильно поняли. Министр Мэн взял на себя управление делами Дворца Юйхэн и пришёл с официальным докладом ко мне. Все слуги Дворца Юйхэн могут это подтвердить.

Ли Цзычоу приподняла бровь. Она ничего не неправильно поняла, просто ей казалось, что их внешности очень подходят друг другу, и она думала, понравится ли Бай Цинъян такой мужчина, как Мэн Шикэ.

В оригинальном произведении у Бай Цинъян не было официальной пары, то есть она за всю жизнь никого не полюбила.

Если бы она не пережила столько перемен, её жизнь прошла бы более спокойно и благополучно, и, возможно, она нашла бы идеального мужа, с которым могла бы дожить до старости вместе.

Но тогда жизнь Бай Цинъян не была бы такой яркой.

Если судить только по степени внешней совместимости, Мэн Шикэ мог бы стоять рядом с Бай Цинъян.

Но Бай Цинъян была любимой дочерью небес, и Ли Цзычоу считала, что она заслуживает лучшего.

К сожалению, в оригинальной книге такого человека не было.

Однако после того, как она велела Чжоу Хуайцзиню отправить Мэн Шикэ в Дворец Юйхэн, она действительно больше не занималась им, даже не назначив ему никакой работы.

Теперь же, похоже, нужно как следует обдумать позицию Мэн Шикэ.

— Императрица отличается добродетелью и мудростью, я, естественно, верю тебе. Но...

Ли Цзычоу перестала дразнить Бай Цинъян и обратилась к Мэн Шикэ:

— Прошу вас, министр Мэн, покинуть нас на время, мне нужно обсудить с императрицей важные дела.

Мэн Шикэ чувствовал себя так, будто получил помилование. Он не стал вдаваться в то, почему императрица его отпустила, и после выражения благодарности быстро покинул главный зал.

Сяо Лэ не знала, что императрица прибыла. Она осторожно несла только что заваренный чай «Жичжу Сюэя» в зал.

Её чуть не сбила с ног мелькнувшая рядом тёмно-синяя фигура, и Сяо Лэ не успела окликнуть того.

— Странно, почему министр Мэн только пришёл и уже уходит?

Сяо Лэ пробормотала с недоумением, но, обернувшись, увидела женщину в чёрном драконьем одеянии, сидящую на высоком месте в зале.

Мэн Шикэ поспешно перешагнул порог. То ли из-за того, что шёл слишком быстро, то ли потому, что неудачно встал, он вдруг полетел вперёд. Стоявший рядом охранник среагировал быстро и протянул руку, едва успев его подхватить.

— Господин, помедленнее.

— Смотрите за императрицей, защищайте государыню.

Мэн Шикэ тихо приказал.

— Слушаюсь.

— Благодарю, благодарю, смотрите на меня... Это на самом деле неприлично.

Мэн Шикэ, опираясь на руку, выпрямился и поблагодарил охранника сложив руки.

Охранник тоже убрал руку и вежливо ответил:

— Не смею, не смею, господин, проходите.

После того как Сяо Лэ совершила поклон, Ли Цзычоу снова отправила её смотреть на пейзаж.

В зале снова остались только Бай Цинъян и Ли Цзычоу.

— Что вы, императрица, думаете о Мэн Шикэ как о человеке?

Ресницы Бай Цинъян слегка дрогнули. Это был вопрос, полностью противоположный тому, что был задан в присутствии Мэн Шикэ.

Она, Бай Цинъян, прожив две жизни, никогда не чувствовала себя так виновато. Ли Цзычоу относилась к ней неплохо, и она не хотела, чтобы Ли Цзычоу её неправильно поняла.

— Министр Мэн эрудирован и силён в памяти, он стоит особняком.

Бай Цинъян осторожно ответила.

— А если я сделаю его министром кабинета?

Бай Цинъян удивилась:

— Министром кабинета?

Это был вопрос, который Ли Цзычоу обсуждала с Чжоу Хуайцзинем некоторое время назад: как в условиях, когда влиятельные чиновники захватывают власть при дворе, обеспечить, чтобы люди с реальными способностями действительно служили ей?

Благодаря знаниям Ян Дэцзинь об оригинальном произведении, Ли Цзычоу примерно знала, кто из чиновников был хорош, но они имели разные ранги и работали в разных ведомствах, так что собрать их вместе для использования было не так-то просто.

Ответ Чжоу Хуайцзиня заключался в том, чтобы просто создать новый департамент, который

бы координировал этих людей для прямого служения правителю.

Ли Цзычоу подумала — это мог быть только Внутренний кабинет.

Ли Цзычоу:

— Но разве нет уже Академии Ханьлинь?

Чжоу Хуайцзинь:

— Академия Ханьлинь существует уже давно, и её персонал разношёрстный. Вашему Величеству нужна более компактная и эффективная группа помощников.

Ли Цзычоу полностью согласилась.

Ответы Мэн Шикэ на политические вопросы в Дворце Сумэнь действительно открыли Ли Цзычоу глаза. Держать Мэн Шикэ рядом с собой было плохо, но и отбросить в сторону тоже было нельзя.

С одной стороны, она действительно боялась, что он замышляет недоброе, с другой стороны, было жалко его настоящие таланты и знания.

Ли Цзычоу поделилась своими переживаниями с Чжоу Хуайцзинем:

— Но не будут ли люди при дворе всячески препятствовать этому?

Ответ Чжоу Хуайцзиня был таким:

— Поскольку функции Внутреннего кабинета и Академии Ханьлинь схожи, сопротивление при дворе должно быть не слишком великим. Оставьте это мне, я смогу уладить.

Нынешняя Академия Ханьлинь всё ещё имеет конфигурацию времён предыдущего императора, и реорганизовать её для Ли Цзычоу было бы слишком хлопотно, отнимало бы много времени и сил.

Действительно, лучше было создать отдельный Внутренний кабинет, где министры были бы секретарями монарха, предлагали советы и стратегии, но имели бы лишь номинальный титул, не обладая реальной властью, и их статус был бы обычным.

Поручив Чжоу Хуайцзиню руководить кабинетом, можно сделать структуру точной, а персонал — небольшим.

Вступление Мэн Шикэ в кабинет было единственным способом, который могла придумать Ли Цзычоу, чтобы постоянно следить за ним и одновременно вытягивать идеи из его головы.

Конечно, Мэн Шикэ был отправлен в Дворец Юйхэн по её приказу, и если она хотела его использовать, ей естественно нужно было получить согласие Бай Циньян, поэтому сегодня она и приехала в Дворец Юйхэн.

— Ваше Величество не будет наказывать вашу слугу за тайную встречу с посторонним мужчиной?

Ли Цзычоу, наоборот, удивлённо посмотрела на неё:

— Я же сказала, что верю словам императрицы, зачем ещё наказывать?

Бай Цинъян сжала губы, вспоминая случай, когда она тайно покинула дворец. Этот человек так же спокойно прошёл мимо этого, никогда её не наказывал и не спрашивал о причинах происшествия.

— Ваше Величество...

— Да?

— В ночь у реки Цюйцзян ваша слуга тайно покинула дворец, Ваше Величество знали об этом?

Звучало как вопрос, но смысл в словах был вполне утвердительный.

Чашка чая, которую Ли Цзычоу поднесла ко рту, замерла. Она не ожидала, что разговор повернётся в эту сторону.

Это же старые долги, зачем она говорит об этом?

Ли Цзычоу знала, что если она отрицает, Бай Цинъян точно не поверит. Бай Цинъян была слишком умна, её умение понимать людей и маневрировать между ними было бесподобно.

Поэтому Ли Цзычоу открыто призналась:

— Я знаю.

— Ваше Величество тоже знаете, зачем ваша слуга покидала дворец.

— Да, я тоже знаю.

— Ваше Величество никогда не вменяло вашей слуге в вину.

Бай Цинъян понимала, что это она должна просить прощения у Ли Цзычоу.

Ли Цзычоу подумала и сказала:

— Императрица всегда действует с чувством меры, я верю тебе и спокойна.

Бай Цинъян молчала.

Эта Ли Чоу была полной противоположностью Ли Чоу из прошлой жизни. Та жестокая Ли Чоу обладала чрезвычайно сильным стремлением к контролю, совершенно не доверяла ей, и если задевали её обратную сторону чешуи, страдали окружающие.

А эта Ли Чоу, скорее чем доверять ей, просто не придавала этому значения, не заботилась о том, что она делает.

Бай Цинъян опустила голову и прижала губы, не зная, что чувствует в сердце...

Среди сотни людей из Левого лагеря Императорской гвардии, выделенных для охраны Дворца Юйхэн, не было ни одного агента Ли Цзычоу. Бай Цинъян несколько раз проверяла это.

Она слишком ей доверяла.

У неё были свои идеалы и стремления, и с ней или без неё, она могла достичь своих целей.

Она позволяла ей заниматься политикой, не считала её тайный уход из дворца преступлением и даже не беспокоилась о её встречах с другими мужчинами, потому что в её глазах всё это, вероятно, не имело значения?

Бай Цинъян изначально думала, что сможет подружиться с Ли Цзычоу, даже если это будет просто дружба между благородными людьми.

Теперь же казалось, что между ними по-прежнему стояла печальный барьер.

Ведь она же, забыв о достоинстве Сына Небес, прыгнула в воду, чтобы спасти её...

Бай Цинъян не могла понять, как же она на самом деле к ней относится.

— Императрица?

Ли Цзычоу, видя, что она долго молчит, окликнула её.

Бай Цинъян скрыла эмоции на бровях и спокойно ответила:

— Благодарю Ваше Величество за такую любовь, ваша слуга в страхе.

— Тогда... насчёт повышения Мэн Шикэ до министра кабинета...

Ли Цзычоу тихим голосом сказала с советующим тоном.

— Остаться ли министру Мэну или уйти, это всё зависит от одного слова Вашего Величества, зачем спрашивать мнение вашей слуги.

Ли Цзычоу издала звук «о», подумав, что она действительно не в духе.

Изначально она в основном пришла спросить о прибытии послов из десяти тысяч государств летом, но Бай Цинъян выглядела так, будто не очень хотела говорить, и это заставляло её бояться задать вопрос...

Может, перенести на другое время?

Но уже середина июня, и если не принять мер, меры примут по отношению к ней самой.

Ли Цзычоу украдкой посмотрела на Бай Цинъян с опущенными веками, затем взглянула на яркий солнечный свет за окном.

Ещё через несколько дней прямые солнечные лучи достигнут Центральных равнин, неся лето в Великую Шэн.

Авторские примечания:

Ян Дэцзинь: Мы с Се Чжи уже начали проходить подземелья, а вы всё ещё в начальной деревне тянетесь друг к другу?

Ли Цзычоу: А...

Бай Цинъян: Угу...

Мэн Шикэ: И повернулся, уходя в горы.

<http://bllate.org/book/16747/1562376>